

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ
426.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

г. Ереван

4 февраля 2011 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, М. Топузьяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна (докладчик), Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителя заявителя – начальника Управления по делам преступлений против человека Генеральной прокуратуры РА В. Шагиняна, привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА – советника Председателя Национального Собрания РА Д. Мелконяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 7 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25 и 71 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 426.1 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Генерального прокурора РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 27.09.2010 г. обращение Генерального прокурора РА.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовно-процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 1 июля 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 1 сентября 1998 года и вступил в силу с 12 января 1999 года.

Часть 1 статьи 426.1 Кодекса, озаглавленной “Суд, пересматривающий судебный акт по вновь открывшимся или новым обстоятельствам”, устанавливает: “Пересмотру по вновь открывшимся или новым обстоятельствам подлежит только вступивший в законную силу судебный акт”.

2. Процессуальная предыстория дела, являющегося предметом рассмотрения, сводится к следующему: по уголовному делу, возбужденному в следственном отделе Малатии Полиции РА по факту мошенничества, установлено, что четырежды судимый за совершение хищений Арсен Ервандович Симонян, приговоренный в пятый раз к лишению свободы сроком на 13 лет, с места отбывания наказания завязал знакомство с Ануш Микаеловной Нерсисян. Злоупотребив доверием последней, А. Симонян через свою подругу Арусяк Ншановну Шелеленкян обманным путем похитил у А. Нерсисян золотые украшения и деньги в особо крупных размерах на сумму 3.050.030 драмов РА. В ходе разбирательства по уголовному делу 26.01.2010 года вынесено решение о выделении из уголовного дела части относительно Арусяк Ншановны Шелеленкян, о прекращении по части 2 статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса РА производства по этой части дела и неосуществлении в отношении нее уголовного преследования.

10 февраля 2010 года уголовное дело по обвинению Арсена Ервандовича Симоняна по пунктам 1 и 3 части 3 статьи 178 Уголовного кодекса РА направлено в суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш. 15 июня 2010 года приговором суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш А. Симонян приговорен к лишению свободы сроком на 10 лет без конфискации имущества. 22 июня 2010 года от рассматривающего дело судьи получено официальное письмо о том, что в ходе судебного разбирательства по упомянутому уголовному делу открылись новые обстоятельства,

обосновывающие факт содействия А. Шелеленкян в совершении данного мошенничества, в связи с чем возникла необходимость отменить решение от 26.01.2010 г. о неосуществлении в отношении нее уголовного преследования, прекращении производства по этой части дела и рассмотреть вопрос о привлечении ее к уголовной ответственности.

В Прокуратуре административного района Малатия-Себастья города Еревана 24.08.2010 г. вынесено решение о возбуждении производства в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, и следственному отделу Малатии Полиции РА было поручено проведение расследования.

3. Оспаривая конституционность части 1 статьи 426.1 Кодекса, заявитель находит, что она противоречит статьям 3, 18, 19, 103 Конституции РА.

По мнению заявителя, при подобной формулировке оспариваемой правовой нормы, по сути, исключается пересмотр решений органа уголовного преследования о прекращении производства по делу, о прекращении уголовного преследования в связи с вновь открывшимися или новыми обстоятельствами. В подобной ситуации, согласно заявителю, нарушаются конституционные права лиц, пострадавших от преступлений, законодательное системное регулирование этой проблемы, логика и объемы реализации конституционных полномочий прокуратуры.

Заявитель находит, что конституционная формулировка "... для восстановления своих нарушенных прав", нашедшая место в части 1 статьи 19 Конституции РА, касается также и потерпевшего по уголовному делу. Следовательно, должны быть установлены механизмы пересмотра и отмены решений, вынесенных осуществляющими уголовное преследование и правосудие государственными органами с допущением нарушений. Согласно заявителю, в аспекте вновь открывшихся обстоятельств действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает подобные механизмы лишь касательно пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, исключая тем самым, что подобные механизмы необходимы также для актов, принятых в досудебном производстве.

На основании сравнительного анализа прежнего и нынешнего правовых регулирований относительно пересмотра на основании вновь открывшихся или новых обстоятельств актов, принятых в досудебном и судебном производствах, заявитель находит, что регулирующие оспариваемые правоотношения правовые нормы в тексте Кодекса в

начальной редакции, в частности статьи 21 и 408-410 Кодекса, находились в системной связи, между тем как статья 21 и положения раздела 12.1 текста Кодекса в нынешней редакции не обеспечивают системное и единое регулирование проблемы. Эту свою позицию заявитель аргументирует тем, что анализ норм статьи 21 и раздела 12.1 текста Кодекса в нынешней редакции свидетельствует, что пересмотру на основании вновь открывшихся обстоятельств подлежат как судебные акты, так и принятые в досудебном производстве решения относительно прекращения производства по делу, прекращения уголовного преследования.

Рассматривая оспариваемую норму в контексте логики и объемов реализации конституционных полномочий прокуратуры, заявитель, анализируя пункт 2 части 5 статьи 103 Конституции РА, а также пункт 13 части 2 статьи 53 Кодекса, приходит к заключению, что пересмотр решения о прекращении производства по уголовному делу, в том числе на основании вновь открывшихся обстоятельств, является исключительным полномочием прокурора, что обосновывается также выраженными в Постановлении от 07.12.2009 г. ПКС-844 позициями Конституционного Суда РА относительно взаимоотношений судебного контроля и прокурорского надзора за досудебным производством.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, находит, что часть 1 статьи 426.1 Уголовно-процессуального кодекса РА соответствует Конституции РА. Для обоснования этой своей позиции заявитель отмечает, что нормы раздела 12.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, озаглавленного “Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам”, касаются только пересмотра судебных актов. Между тем “действующий Уголовно-процессуальный кодекс РА не устанавливает процессуальный порядок отмены решений о прекращении прокурором производства по делу по новым и вновь открывшимся обстоятельствам или о прекращении уголовного преследования”.

Ответчик утверждает, что “в условиях действующего Уголовно-процессуального кодекса, когда отсутствует четкий процессуальный порядок отмены решений о прекращении прокурором производства по делу по новым и вновь открывшимся обстоятельствам или о прекращении уголовного преследования, ... признание противоречащей Конституции РА и недействительной части 1 статьи 426.1 Кодекса может привести к правовой

неопределенности, нарушению конституционного и конвенционного права недопустимости повторного осуждения”.

Ответчик констатирует также, что “в концепции нового Уголовно-процессуального Кодекса РА” предлагается применить механизм производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам также в отношении заключительных актов, принятых в ходе досудебного производства.

5. В рамках настоящего дела Конституционный Суд РА считает необходимым рассмотреть оспариваемую правовую норму в контексте всего правового регулирования относительно пересмотра процессуальных актов, учитывая необходимость балансирования, с одной стороны, интересов потерпевшего, с другой стороны, принципа недопустимости повторного осуждения как публичного интереса.

Согласно части 3 статьи 21 Кодекса “наличие решения органа уголовного преследования о прекращении производства по делу, о прекращении уголовного преследования или неосуществлении уголовного преследования исключает возобновление уголовного дела, если это может привести к ухудшению положения лица, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи”.

По результатам анализа пунктов 2, 4, 5 статьи 6 Кодекса, которые устанавливают содержание соответственно понятий “уголовное дело”, “производство по делу”, “досудебное производство по уголовному делу”, Конституционный Суд констатирует, что словосочетание “возобновление уголовного дела” в части 3 статьи 21 Кодекса **в равной степени может относиться** к уголовным делам, находящимся как в производстве суда, так и в досудебном производстве, или к уголовным делам, **завершенным** в ходе одного из указанных производств.

Принимая за основание то, что новые или вновь открывшиеся обстоятельства по своему характеру таковы, что они не могли быть известны органу дознания или предварительного следствия при осуществлении производства по данному делу, Конституционный Суд констатирует также, что прокурор при осуществлении надзора за законностью дознания или предварительного следствия объективно не может рассматривать неучтение нового или вновь открывшегося обстоятельства как процессуальную ошибку, допущенную органами дознания или предварительного следствия при осуществлении производства по данному делу.

Что касается возможности осуществления обусловленных новыми или вновь открывшимися обстоятельствами надзорных функций прокуратуры в отношении досудебного производства по окончании срока, указанного в части 4 статьи 21 Кодекса, то к этому относится часть 5 статьи 21 Кодекса, которая, в свою очередь, ссылается на положения раздела 12.1 Кодекса. То есть из анализа положений частей 3, 4 и 5 статьи 21 Кодекса следует, что законодатель предусмотрел возможность осуществления обусловленных новыми или вновь открывшимися обстоятельствами надзорных функций прокуратуры в отношении досудебного производства по окончании срока, указанного в части 4 статьи 21 Кодекса, и предопределил необходимость создания соответствующих правовых гарантий реализации такой возможности посредством норм раздела 12.1 Кодекса. Причем пересмотр прокурором решений о прекращении производства по делу, прекращении уголовного преследования или неосуществлении уголовного преследования, вынесенных в ходе досудебного производства по уголовному делу, является отдельной разновидностью надзора за законностью дознания и предварительного следствия, касается осуществления прокурором установленной пунктом 1 части 1 статьи 103 Конституции РА и статьей 27 Кодекса обязанности возбуждения уголовного преследования и раскрытия преступления, является самостоятельным производством и, следовательно, имеет определенные особенности.

6. По результатам анализа раздела 12.1 Кодекса Конституционный Суд констатирует, что указанный раздел касается отношений в связи с пересмотром **исключительно судебных актов** на основании новых и вновь открывшихся обстоятельств. Основанием для такого заключения служат не только нормы раздела 12.1 Кодекса, но и заголовки указанного раздела и изложенных в этом разделе отдельных статей. Причем в ходе законодательных изменений в вопросе конкретизации предмета правового регулирования не была проявлена последовательность. Например, статья, являющаяся предметом спора, озаглавлена “Суд, пересматривающий судебный акт по вновь открывшимся или новым обстоятельствам”, между тем как предметом правового регулирования части 1 этой статьи является система правовых актов, из которых выделяется “**только вступивший в законную силу**” судебный акт. Подобная формулировка является также проявлением инерции правового мышления, так как не может быть понятий “вступивший в законную силу судебный акт” и “вступивший в незаконную

силу судебный акт”, чтобы из них был сделан выбор посредством ограничительной частицы “**только**”.

Из грамматического анализа существующей формулировки следует, что выражение статьи 426.1 Кодекса “**только** вступивший в законную силу судебный акт” не ограничивается акцентированием обстоятельства вступившего в “законную” силу судебного акта. Выражение “**только**” в этом словосочетании как ограничительная частица предполагает, что в уголовном производстве никакой другой окончательный правовой акт не может быть пересмотрен по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Подобное исключение и подобное его акцентирование требуют выражения принципиальной конституционно-правовой позиции в связи с тем, не вызовет ли блокирование в досудебном производстве пересмотра окончательного судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам проблем в вопросе гарантирования эффективной защиты прав лица. Иной вопрос, какие процедуры установит законодатель для правомерного внедрения подобного института.

Сугубо с точки зрения необходимости и преодоления указанных проблем исчерпывающий ответ на вопрос дает сторона-ответчик, отмечая, что “...учитывая важность и концептуальное значение проблемы, а также осознавая, что она может получить эффективное решение только при условии системного регулирования..., **в концепции нового Уголовно-процессуального кодекса РА предлагается применять механизм производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам также в отношении заключительных актов, принятых в ходе досудебного производства**”.

Конституционный Суд находит, что на практике в качестве нарушения прав и достоинства лица, пострадавшего вследствие преступления в первую очередь необходимо рассматривать то, что в законодательстве отсутствует механизм пересмотра окончательных решений о прекращении производства по делу, прекращении уголовного преследования или неосуществлении уголовного преследования, вынесенных в ходе досудебного производства по уголовному делу на основании новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Осознавая, что если правосудие недоступно для потерпевшего, следовательно, оно нарушает принцип равенства перед судом, тем самым лишая смысла саму идею правосудия, в ряде международных правовых документов установлен круг тех обязанностей государств, которые способствуют эффективной защите процессуальных прав потерпевшего. В

Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью A/RES/40/34, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года, и в Рекомендации № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса предлагается на национальном уровне предпринять меры для защиты прав потерпевших, в частности улучшить судебный и административный механизмы возмещения причиненного потерпевшим вреда, установить в ходе рассмотрения уголовного дела статус потерпевшего, характер прав и обязанностей суда в вопросе гарантирования его прав. Согласно указанным документам, одной из важнейших функций уголовного правосудия является удовлетворение требований и защита интересов потерпевшего, повышение его доверия к уголовному правосудию.

7. Конституционный Суд РА констатирует, что отсутствие системного правового регулирования возможности пересмотра на основании новых и вновь открывшихся обстоятельств окончательных решений органа уголовного преследования о прекращении производства по делу, прекращении уголовного преследования либо неосуществлении уголовного преследования обусловлено, в первую очередь, имеющейся формулировкой части 1 статьи 426.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, в результате чего подвергается опасности право лица на эффективные средства судебной защиты его прав и свобод, а также их правовой защиты перед другими государственными органами.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 7 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64, 68 и 71 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Выражение “только” части 1 статьи 426.1 Уголовно-процессуального кодекса РА постольку, поскольку оно исключает пересмотр в установленном законом порядке других окончательных правовых актов на основании новых или вновь открывшихся обстоятельств, подвергая тем самым опасности, в частности, право лица на эффективные средства правовой защиты перед компетентными государственными органами в досудебном производстве,

признать противоречащим требованиям части 1 статьи 18 Конституции Республики Армения и недействительным.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

4 февраля 2011 года

ПКС-935

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения